

УДК: 322.348.71

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-143-154

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ИСЛАМСКИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

Мирзаханов Д.Г.

Дагестанский государственный технический университет

367015, г. Махачкала, пр. И.Шамиля, 70, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется исламская социально-политическая подсистема как потенциально плодотворная аналитическая единица, функционирующая в рамках национально-государственных мегасистем. Исследование показывает данную проблему через призму структурного подхода к пониманию как российской социально-политической системы, так и входящих в неё подсистем. Автор доказывает, что «ядро» исламского сообщества образуется в двух случаях: 1. когда путём интенсификации социально-политических коммуникаций происходит умножение политических вопросов; 2. когда в региональном мусульманском сообществе есть достаточное количество религиозно-политических интеллектуалов, способных формулировать эти вопросы на языке политики. В работе делается вывод о том, что наиболее перспективной для современной российской политики могла бы быть стратегия опережающего формулирования политической повестки дня перед отечественными мусульманами.

Ключевые слова: исламская социально-политическая подсистема, региональное мусульманское сообщество, структурный подход к пониманию внутрисистемных конфликтов, религиозно-политические коммуникации.

UNDERSTANDING THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF ISLAMIC SOCIAL AND POLITICAL SUB-SYSTEMS

D. Mirzakhonov

Dagestan State Technical University

70, I. Shamilya prospect, Makhachkala, 367015, Russian Federation

Abstract. The paper studies the Islamic social and political sub-system as a potentially fruitful analytical unit which is functioning within the framework of national mega-system. The study shows this problem through the prism of structural approach to understanding both the Russian political system and the sub-systems it includes. The author proves that the "core" of the Islamic community forms in two cases: firstly, when the political issues multiply through the intensification of social and political communications; secondly, when at Muslim regional community there are enough religious and political intellectuals able to articulate these issues in the language of politics. The conclusion is drawn that for modern Russian policy the strategy of advance formulation of political agenda for the Russian Muslim community could be the most perspective.

Key words: Islamic social and political sub-system, regional Islamic community, structural approach to understanding the intrasystem contentions, religious and political communications.

Цель данной работы – выявление общих свойств системности мусульманских сообществ в современном политическом процессе. Для достижения этой цели предлагается решение такой научно-теоретической задачи, как разработка понятия “исламская социально-политическая подсистема” и определение её типологических признаков в рамках национальных и международных мегасистем.

Современный политический процесс богат системными конфликтами. Они возникают при взаимодействии больших социально-политических систем, а также на уровне подсистем, их составляющих. Одно из проявлений такой конфликтности, это конфликты исламских и неисламских социально-политических подсистем (иудео-христианских, чаще всего, по историческому культурному коду) в системах современных национальных государств. В современной Европе, переживающей миграционный кризис, конфликты эти выражены достаточно отчетливо, несмотря на попытки государственных и общественных институтов не придавать им принципиального значения (как это, в частности, продемонстрировала проевропейская предвыборная риторика Э. Макрона на выборах Президента Французской Республики в апреле 2017 г. и риторика других левых и центристских кандидатов, солидаризировавшихся с ним). Это, вместе с тем, и конфликты внутри самих исламских социальных подсистем, понижающие их конкурентоспособность в мировом политическом процессе в сравнении с неисламскими

социально-политическими системами и подсистемами.

В России эта конфликтность на федеральном и региональном уровнях выражена значительно слабее, чем во многих других регионах современного мира. Обусловлено это тем, что в России государственные институты опираются на длительный исторический опыт (имперский и советский) согласования интересов развития исламских и неисламских социальных подсистем. В результате, в целом удается удерживать правовую, экономическую, культурную и политическую конфликтность разных социальных подсистем на уровне, прямо не угрожающем основам национально-государственной и общественной безопасности. Это относится ко всем подсистемам, основывающим своё участие в российском политическом процессе на этике и доктринах традиционных мировых религий [15].

Сложнее государственным институтам приходится тогда, когда речь идет об урегулировании различных конфликтов в самой исламской социальной подсистеме в процессе образования в ней центр-периферийных политических и культурных отношений. Об этом свидетельствуют процессы, происходящие сегодня в этноконфессиональной сфере во многих ключевых российских регионах. Для того, чтобы государству реализовывать свой административный, правовой и политический потенциал в урегулировании конфликтов внутри исламских социально-политических подсистем, важно отслеживать тенденции

к формированию зон конфликтных отношений в процессах определения исламскими сообществами различных регионов России своих «центральных» и «периферийных» статусов. Однако этому мешает доминирующий сегодня в политике и политической науке взгляд на природу многоуровневой конфликтности политических процессов в исламских сообществах нашей страны и в целом в мире ислама.

Источник проблем политики и политологи чаще всего ищут в двух сферах: в приверженности различных региональных исламских сообществ разным традициям и разным интерпретациям базовых положений исламского вероучения [1; 5, с. 70–95; 23], а также в самих по себе структурных особенностях как всей российской социально-политической системы, так и подсистем, в нее входящих [2; 8; 20]. Мы не ставим под сомнение тот факт, что доктринальные разногласия были, есть и, к сожалению, видимо, ещё долго будут источником внутривнутриполитических и внешнеполитических конфликтов. Этот политический фактор нельзя сбрасывать со счетов, когда осуществляется исследование динамики и направленности современных политических процессов любого уровня. Вместе с тем второй ракурс осмысления сути проблемы, включающий в себя структурные особенности, представляется нам более продуктивным.

Нельзя игнорировать и тот факт, что большинство мусульман, проживающих в российских регионах, с пониманием относятся к исламскому традиционному образу жизни (с поправками на региональные культурные традиции). Они не являются, в большинстве своем, знатоками ис-

ламской религиозной доктрины. По крайней мере, настолько, чтобы самостоятельно критически осуществлять свой выбор в пользу той или иной ее богословской интерпретации. Это побуждает массовое сознание мусульманских сообществ внимательнее и бережнее относиться к общественной традиции как фактору воспроизводства своей идентичности, в том числе и конфессиональной.

Правила повседневной жизни мусульманина в российских регионах и разных частях современного мира складывались веками. Они находятся в очевидной взаимозависимости со структурой социально-политической системы, поскольку определяют многое в порядке связей между её элементами и сами являются продуктом постоянного воспроизводства взаимоотношений между ними. Последнее соображение представляется нам принципиально важным для обоснования преимуществ структурного подхода по сравнению с «религиоведческим». Структурный анализ позволяет избежать сакрализации природы внутрисистемных и межсистемных конфликтов и дать ей рациональную интерпретацию. Вместе с тем нужно иметь в виду, что политологический анализ структурных особенностей общегосударственных и региональных социально-политических систем и подсистем не будет полноценным, если ограничивать его только изучением различий в тех комбинациях общественных и государственных институтов, которые участвуют в политическом процессе. Даже в том случае, если исследователь все такие комбинации выявит, систематизирует и найдет в них те принципиальные

различия, вследствие которых данные системы не могут органично сосуществовать в одном пространстве и времени [24]. Недостаточность такого подхода обусловлена тем, что выявленные различия, на наш взгляд, будут не источником внутренних и внешних конфликтов в системах и подсистемах, а лишь условием устойчивого развития таких конфликтов в случае их возникновения.

Социально-политические системы в современном мире (независимо от степени их модернизации), представляют собой общества, сложно структурированные по горизонтали. Они включают в себя различные социально-политические подсистемы. В одних государствах таких подсистем больше, и они по этой причине выглядят более сложно структурированными. В других – меньше, и они выглядят на фоне первых значительно проще организованными. На наш взгляд, гораздо важнее, что системы и соответственно подсистемы обладают разной «политической массой и энергией», разной ресурсной возможностью реагирования на внутренние и внешние вызовы, а потому их динамические характеристики специфичны. Одни развиваются быстрее, другие – медленнее, одни прогрессируют, другие стагнируют, или даже деградируют (в том числе за счёт уменьшения числа подсистем). Именно связи между институциональными элементами системы, структура и качество этих связей определяют масштаб и направленность конфликта больше, чем сам по себе набор или порядок соединения элементов в системе или подсистеме.

Одним из аргументов в пользу такого заключения может служить история

существования исламских сообществ в составе Российского государства. В России многие столетия исламские социальные подсистемы взаимодействовали друг с другом и с неисламскими подсистемами в границах одной социально-политической системы, сначала национально-государственной, потом – имперской, сегодня – вновь национально-государственной. Это привело к тому, что структурно, как на уровне проблем взаимоотношений с властью, так и между собой, большинство российских региональных социальных подсистем приобрели определенное сходство. В советскую эпоху особенно стало заметно, что в различных регионах страны (на Северном Кавказе, Татарстане, Крыму, на Нижней Волге, на Урале и в Сибири) жизнь различных этноконфессиональных подсистем выстроена по институциональному и правовому стандарту, именуемому «советским образом жизни». На этом основании, как представляется, теоретики советского времени приходили к вполне справедливому заключению о существовании «советского народа» как надрегиональной, надэтнической и надконфессиональной реальности. Подобное структурное выравнивание продолжается и в постсоветской России в рамках либеральной модернизации [21].

На наш взгляд, для понимания причин конфликтности в данной сфере важно учитывать, что структурное выравнивание социальных подсистем не обязательно влечёт за собой выравнивание качества связей, посредством которых сами подсистемы структурируются и взаимодействуют с другими подсистемами и государством. Качество этих связей не обязательно

меняется в зависимости от перемен в структуре социально-политических систем и подсистем. С этим, как представляется, связана ситуация, когда в Конституции РФ «правовое государство» и «гражданское общество» обозначают уже существующее современное состояние социально-политической системы в нашей стране, а отечественные специалисты-политологи в то же самое время не устают говорить о создании в России правового государства и гражданского общества, как первоочередной задаче, ещё только подлежащей решению [6; 7; 12; 22].

Возможно, по той же причине и в мировом политическом процессе присутствует определенный парадокс. Суть его состоит в наличии противоречия между институциональным оформлением общественных отношений и их качественным содержанием. В результате этого парадокса можно наблюдать, как, с одной стороны, современный мир становится всё более единообразным по политической форме (это служит основой представлений о «глобализации», как доминирующем цивилизационном тренде), с другой – всё более конфликтным и рискогенным по политическому содержанию [9; 4; 18].

В постсоветской России институционально демократическая социально-политическая система и ее социальные подсистемы сложились, структурировались в некую типовую «западную» модель, закреплённую на конституционном уровне. Однако качество связей внутри этой структуры продолжает различаться в зависимости от этноконфессиональных и региональных традиций. Это различие, на наш взгляд, является фактором то

нарастающей, то снижающейся конфликтности участия в российском политическом процессе исламских и неисламских социальных подсистем и фактором внутренней конфликтности развития самих исламских подсистем.

Объяснение этой сложной и многоуровневой конфликтности с позиции научных представлений о степени «пассионарности», на наш взгляд, приемлемо в научном смысле [11; 17]. В подтверждение тезиса о «всплеске пассионарности» можно сослаться на тот факт, что пробуждение происходит во всем исламском мире, а не только в нашей стране и отдельных ее регионах с преобладанием мусульманского населения. Но само по себе такое объяснение представляется недостаточным, раз речь идёт о системном анализе участия исламских сообществ в политическом процессе. Научные рассуждения о «пассионарности» современного мира ислама требуются, на наш взгляд, дополнить поиском ответа на принципиальный вопрос о том, что ее генерирует?

Современные исламские сообщества, особенно в России, не проявляют выраженного стремления (за исключением относительно небольших групп исламских радикалов) изменить порядок институционального структурирования той политической среды, в которой они пребывают [19]. В то же время постоянно заявляет о себе стремление исламских сообществ к тому, чтобы иным, более соответствующим этике ислама и региональным традициям, было качество и структура связей между институтами в социальных подсистемах и всей российской социально-политической системой [10].

Это значит, что источник политической конфликтности находится не в сфере характера действующих институтов, а в сфере качества связей между ними в современной России. Конструирование таких связей массовым сознанием современных обществ условно можно представить в виде процесса формулирования вопросов к миру политики и поиска ответов на такие вопросы. Здесь наблюдается действительно принципиальное различие. Можно сказать, что *исламские и неисламские сообщества в современном мире, и в России в частности, используют разные стратегии построения связей между теми институтами, которые позволяют им системно участвовать в политических процессах.*

Для характеристики этого различия стратегий целесообразно, на наш взгляд, использовать теоретическую модель, которая даёт возможность системно раскрыть ряд принципиальных противоречий в понимании обозначенных связей. С одной стороны, она базируется на том, что исламские и неисламские социальные системы и подсистемы обладают сопоставимыми ресурсами культуры и политического опыта и имеют некоторое сходство в представлениях о своем будущем (его обозначает понятие «глобализация»). С другой стороны, данная модель позволяет сконцентрировать внимание на объяснении причин постоянной конфликтности, возникающей в мировой и региональной политике, а также экономике и культуре, создающей периодические «аварийные ситуации» (типа нынешнего миграционного кризиса в Европе) большего или меньшего масштаба. Кроме того, она нацеливает на то, чтобы объяснить, почему даже

в условиях относительно стабильного политического процесса представители исламских и неисламских социально-политических систем и подсистем устойчиво демонстрируют принципиальную неготовность к поиску и созданию компромиссных стратегий и тактик политического участия (фактически подчиняясь правилу: «Каждый сам за себя!»).

В рамках этой модели стратегия участия социальных подсистем и отдельных индивидов подразумевает, что связующим началом и определяющим условием их включённости в политические процессы являются не столько «вопросы», обращаемые к сфере политики, а также к себе, как субъекту политических процессов, сколько «ответы». В их качестве используются те готовые решения простых и сложных вопросов политической истории, теории и практики, которые зафиксированы в массовом сознании в виде политических «истин», порой – «общечеловеческих истин». Благодаря подкреплению этих «ответов» авторитетом светской науки, массовое сознание, чаще всего, не ставит эти «истины» под сомнение. По крайней мере, до тех пор, пока они позволяют обществу выдерживать некоторый вектор своего движения в современном политическом процессе.

Условно его можно обозначить как «западное» понимание качества стратегии развития и взаимодействия социально-политических систем и подсистем. Например, на вопросы о том, что есть государство, политика, право, политический конфликт, политические элиты, современные «западные» политика и политическая теория предлагают огромный ряд готовых «классических» и «модернистских», а сегодня

– даже «постмодернистских» ответов. В том числе, есть идеологически и научно заготовленные ответы на любые вопросы о справедливости, законности, ответственности, богатстве, свободе, труде и т.д. Не считается сегодня в «западном мире» разумной стратегией развития для политики и науки оспаривать эти ответы, ставить вопросы о политике как-то иначе, нежели с позиции «общечеловеческих» = либеральных идей и ценностей и с позиции светскости [3, с. 131–172]. Отсутствие видимой потребности ставить перед политикой новые вопросы придает вид фундаментальности и «истинности» этой теории и практике [16].

Иное качество стратегии конструирования массовым сознанием связей между институтами в социально-политической системе присуще современным исламским сообществам. Стратегия эта основана на смещении баланса вопросов и ответов в сторону вопросов к политике. Не то, чтобы исламский мир сегодня, по следам многовекового политического развития, не имел своих ответов на ключевые вопросы внутренней и внешней политики. Ответы на многие вопросы есть, и сегодня на этой основе мир ислама пытается конкурировать с неисламскими социально-политическими системами за место в будущем глобальном мироустройстве, если таковое состоится. Другое дело, что найденные ответы специфичны. Их количество и качество заведомо ограничены тем, что их форма и содержание находятся в плотной связи с религиозной доктриной и этикой ислама. Ответы уже содержатся там и другими быть не могут. Другими могут быть вопросы, адресованные мусульманином политике. Самостоя-

тельным может быть поиск ответов на эти вопросы.

Это придает особую значимость индивидуальной способности мусульманина ставить перед собой вопросы и самостоятельно искать ответы на них в Коране. Эта способность характеризует его политическую свободу [13; 14]. Мусульманин политически свободен – без зависимости от того, как институционально сконструирована та социально-политическая система, к которой он принадлежит, а в зависимости от своей просвещенности, опытности в личных и общественных делах и, соответственно, способности и возможности ставить перед собой политические вопросы.

Это важная, на наш взгляд, черта системности политического участия исламских сообществ, игнорирование которой более всего сегодня мешает взаимодействию государства в России, неисламских общественных подсистем с исламскими сообществами. Попытки построить такое взаимодействие на основе продвижения в политическую, культурную, правовую и экономическую жизнь российских мусульман неких «готовых решений на все случаи жизни» как раз ведут к возникновению конфликтных ситуаций и ответной «пассионарной» реакции на них со стороны исламских сообществ. Особенно, когда эти готовые решения, взятые отечественными политиками и политологами из «западной» стратегии организации внутрисистемных связей, радикально расходятся с теми ожидаемыми ответами, которые мусульманин ищет в Коране.

Для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию и разделить в исламских сообществах поиск ответов на

политические вопросы на два русла – поиск в пределах вероучения и поиск вне непосредственной связи с вероучением, нужен тот конфликт религиозной и светской науки, из которого выросла западная стратегия формирования связей между институтами социально-политических систем и подсистем.

В исламских системах слабы светские институты, способные генерировать готовые ответы о политике таким образом, чтобы для мусульманина они обладали значимостью, сопоставимой со значимостью религиозных текстов. Поэтому поисковая активность гражданина прямо ориентирована в направлении священных текстов. Мера его свободы – возможность самому задать вопросы и самостоятельно найти на них ответы. При таком варианте существенно более низкой становится для мусульманина значимость государства, официальных институтов и науки в качестве источника готовых ответов о политике. Обращение же к священным текстам, написанным века назад, дает большой разброс и в постановке вопросов и в формулировках ответов.

Современный мусульманин сегодня находится в положении, в чём-то сходном, на наш взгляд, с положением европейского протестанта XVI–XVII вв. Последнего, в эпоху становления национальных государств и выработки национальных идей, также не устраивал тот набор готовых космополитических ответов на все политические вопросы, которые предлагала Католическая Церковь. Он стремился поставить перед Библией больше политических вопросов, чем она потенциально могла дать. А потому он, в поиске ответов, внимательно прислушивался к самым оригинальным трактовкам Би-

блии радикальными проповедниками. Недостаточность ответов побуждала европейцев от интерпретаций Библии переходить к производству ответов средствами светской науки, светской идеологии, светских СМИ.

Подведём некоторые итоги. В работе, с нашей точки зрения, удалось достичь заявленной цели – выявить общие свойства системности мусульманских сообществ в современном политическом процессе. На пути к достижению этой цели был разработан концепт “исламская социально-политическая подсистема” и определены её типологические признаки. В частности, доказано, что исламская подсистема, претендующая на роль “ядра” российского мусульманского сообщества, образуется там, где в пространстве социально-политических коммуникаций за счёт интенсификации этих коммуникаций происходит умножение политических вопросов. Это одна из важнейших предпосылок образования регионального «центра ислама», связанная с условиями политического процесса. Другой предпосылкой выступает наличие в региональном исламском сообществе достаточного количества политически и религиозно подготовленных интеллектуалов, способных таким образом формулировать вопросы к политике, чтобы исключить конфликт полученных ответов с ценными для массы рядовых мусульман традициями семейной, общественной и религиозной жизни. Периферию же формируют сообщества мусульман, также живущие в режиме активной постановки политических вопросов, но не имеющие в своих рядах достаточного числа авторитетных интеллектуалов такого уровня, который нужен

для удержания поиска ответов на них строго в границах региональной и религиозной исламской традиции.

Таким образом, всё это говорит о том, что исламскую социально-политическую подсистему можно рассматривать не только как особую социально-политическую подсистему общества, функционирующую в рамках национально-государственных ме-гасистем, но и как потенциально плодотворную аналитическую единицу, направленную на поиск нового знания.

В рамках данной перспективы, возможно, более многообещающей в условиях современного российско-го политического процесса была бы

стратегия, нацеленная «на опережение» государственных институтов в формулировании и постановке политических вопросов перед российскими мусульманами, в продвижении в сферу публичной политики авторитетных светских научных интерпретаций ключевых для российской и мировой политики проблем. Возможно, в свете такой активности с большим вниманием и доверием воспринимались бы мусульманами и готовые политические ответы на вопросы о том, куда и как идет отечественный политический процесс, которые им предлагает российская государственная власть в качестве основания для сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С.127–134.
2. Баконина М.С. Ислам в России: болевые точки, явные и тайные // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы (международная научная конференция, 26–28 сент. 2013 г.). СПб.: СПбГУ, 2013. С. 32–38.
3. Грей Дж. Поминки по просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 368 с.
4. Карпович О.Г. Место и роль России в современном мире: вызовы и риски // Международное публичное и частное право. 2016. № 1. С. 11–15.
5. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос, 2007. 129 с.
6. Кручинин В.Н. Гражданское общество в современной России, проблемы формирования и функционирования // Вопросы управления. 2013. № 4. С. 7–15.
7. Кузнецов В.Ф. Партийные коммуникации как связующее звено между гражданским обществом и государством // Коммуникология. 2014. Т. 5. №3. С. 15–24.
8. Малашенко А.В. Государство и ислам в России // Исламоведение. 2014. № 1. С. 81–85.
9. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и цветные революции // Современные евразийские исследования. 2014. Т. 2. С. 54–63.
10. Мишучков А.А. Коранический смысл традиционных ценностей ислама и их защита в системе национальной безопасности Российской Федерации // Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия» (г. Уфа, 9–10 ноября 2016 г.). Уфа: Мир печати, 2016. С. 328–334.
11. Мурзаев Р.А. Социальный протест в исламском поле Дагестана // Власть. 2014. № 4. С. 135–138.
12. Нарыкова С.П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6. С. 92–96.

13. Овечкин Л.Ю. Совместимы ли Ислам и свобода? // Сумма философии. Вып. 7. Екатеринбург: УрФУ, 2007. С. 185–188.
14. Поланц К. Поиски истинной свободы [14.03.2014] / Israelreport.ru: новости из Израиля и Ближнего Востока [сайт]. URL: <http://israelreport.ru/context/8139/poiski-istinnoi-svobody> (дата обращения: 12.07.2017).
15. Причины раздоров в еврейском мире (дискуссия участников культурно-просветительского общества Российско-еврейской интеллигенции «Ковчег»: сост. А. Рапорт) // Лехаим. 2005. № 11 (163).
16. Ракитянский Н.М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии // Информационные войны. 2010. № 4. С. 12–25.
17. Сальников Е.В. Экстремизм и пассионарность // Философия права. 2012. № 3 (52). С. 85–89.
18. Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Риски этнической идентичности в современном мире // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 37. С. 58–63.
19. Социальная доктрина российских мусульман // Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края [сайт]. URL: <http://dumraikk.ru/socialnaya-doktrina-rossijskix-musulman> (дата обращения: 12.07.2017).
20. Сызранов А.В. Государство и ислам в постсоветской России в 1991–2008 гг. (на материалах Поволжья). Астрахань: АГУ, 2016. 260 с.
21. Федотов Л.Н. Модернизация регионов: основные подходы // Политика и общество. 2012. № 11 (95). С. 62–68.
22. Шиняева О.В. Основные субъекты гражданского общества в России и проблемы их взаимодействия // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. Ульяновск: УлГТУ, 2012. С. 3–11.
23. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М.: ИНФРА-М, 2000. 320 с.
24. Ярлыкапов А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе [02.02.2014] // Электронный минбар [сайт]. URL: <http://e-minbar.com/researches/islam-i-konflikt-na-sovremennom-severnom-kavkaze> (дата обращения: 12.07.2017).

REFERENCIES

1. Akaev V. Konflikty mezhdru traditsionnym i netraditsionnym napravleniyami v islame: prichiny, dinamika i puti preodoleniya (na materialakh Severnogo Kavkaza) [Conflicts between traditional and non-traditional branches of Islam: causes, dynamics and cures (on materials of the North Caucasus)]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 2008, no. 2(56), pp. 127–134.
2. Bakonina M.S. Islam v Rossii: bolevye tochki, yavnye i tainye [Islam in Russia: the pain points, overt and covert] Islam v Rossii: kul'turnye traditsii i sovremennye vyzovy (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, 26-28 sent. 2013 g.) [Islam in Russia: cultural traditions and contemporary challenges (International Scientific Conference, 26-28 Sept. 2013)]. SPb., SPbGU, 2013, pp. 32–38.
3. Grei Dzh. Pominki po prosveshcheniyu: politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Grey Dzh. The commemoration of the enlightenment: politics and culture in the twilight of modernity]. M., Praksis, 2003. 368 p.
4. Karpovich O.G. Mesto i rol' Rossii v sovremennom mire: vyzovy i riski [The place and role

- of Russia in the modern world: challenges and risks]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2016, no. 1, pp. 11–15.
5. Kisriev E.F. Islam v Dagestane [Islam in Dagestan]. M., Logos, 2007. 129 p.
 6. Kruchinin V.N. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii, problemy formirovaniya i funktsionirovaniya [Civil society in modern Russia, problems of formation and functioning]. *Voprosy upravleniya*, 2013, no. 4, pp. 7–15.
 7. Kuznetsov V.F. Partiinye kommunikatsii kak svyazuyushchee zveno mezhdu grazhdanskim obshchestvom i gosudarstvom [Party communications as a bridge between civil society and government]. *Kommunikologiya* [Communicology], 2014, vol. 5, no. 3, pp. 15–24.
 8. Malashenko A.V. Gosudarstvo i islam v Rossii [State and Islam in Russia]. *Islamovedenie*, 2014, no. 1, pp. 81–85.
 9. Manoilo A.V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira i tsvetnye revolyutsii [The geopolitical picture of the modern world and the color revolutions]. *Sovremennye evraziiskie issledovaniya* [Modern Eurasian studies], 2014, no. 2, pp. 54–63.
 10. Mishuchkov A.A. Koranicheskiy smysl traditsionnykh tsennostei islama i ikh zashchita v sisteme natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Quranic sense of the traditional values of Islam and their protection in the system of national security of the Russian Federation] *Idealy i tsennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu medrese «Galiya» (g. Ufa, 9–10 noyabrya 2016 g.)* [The ideals and values of Islam in educational space of the XXI century: proceedings of International scientific-practical conference dedicated to the 110th anniversary of madrasah "Galiya" (Moscow, 9–10 November 2016)]. Ufa, Mir pechati, 2016, pp. 328–334.
 11. Murzaev R.A. Sotsial'nyi protest v islamskom pole Dagestana [Social protest in the Islamic field of Dagestan]. *Vlast'*, 2014, no. 4, pp. 135–138.
 12. Narykova S.P. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: mify i problemy (k voprosu o grazhdanskom obshchestve) [Legal state and civil society: myths and problems (the question of civil society)]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*, 2014, no. 6, pp. 92–96.
 13. Ovechkin L.Yu. Sovmestimy li Islam i svoboda? [Are Islam and freedom compatible?] *Summa filosofii*. [The sum of philosophy]. Issue 7. Ekaterinburg, UrFU, 2007, pp. 185–188.
 14. Polants K. Poiski istinnoi svobody [14.03.2014] / Israelreport.ru: novosti iz Izrailiya i Blizhnego Vostoka [sait]. [The search of true liberty [14.03.2014] / Israelreport.ru news from Israel and the Middle East [website]]. URL: <http://israelreport.ru/context/8139/poiski-istinnoi-svobody> (request date 12.07.2017).
 15. Prichiny razdorov v evreiskom mire (diskussiya uchastnikov kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva Rossiisko-evreiskoi intelligentsii «Kovcheg»: sost. A. Rapoport) [Causes of strife in the Jewish world (discussion of participants in cultural and educational society of Russian-Jewish intelligentsia "Ark": comp. A. Rapoport)]. *Lekhaim*, 2005, no. 11(163).
 16. Rakityanskii N.M. Dogmaticheskie osnovaniya anglo-amerikanskoi mental'noi ekspansii [Dogmatic Foundation of the Anglo-American mental expansion]. *Informatsionnye voiny*, 2010, no. 4, pp. 12–25.
 17. Sal'nikov E.V. Ekstremizm i passionarnost' [Extremism and passion]. *Filosofiya prava*, 2012, no. 3(52), pp. 85–89.
 18. Samsonkina E.A., Mukha V.N. Riski etnicheskoi identichnosti v sovremennom mire [The risks of ethnic identity in the modern world]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*, 2014, no. 37, pp. 58–63.
 19. Sotsial'naya doktrina rossiiskikh musul'man [The social doctrine of the Russian Muslims] *Tsentralizovannaya religioznaya organizatsiya Dukhovnoe upravlenie musul'man Respub-*

- liki Adygeya i Krasnodarskogo kraja [sait]. [The centralized religious organization of Spiritual administration of Muslims of the Republic of Adygea and Krasnodar region [website].]. URL: <http://dumraikk.ru/socialnaya-doktrina-rossijskix-musulman> (request date 12.07.2017).
20. Syzranov A.V. Gosudarstvo i islam v postsovetsoi Rossii v 1991–2008 gg. (na materialakh Povolzh'ya) [The state and Islam in the post-Soviet Russia in 1991–2008 (on materials of the Volga region)]. Astrakhan, AGU, 2016. 260 p.
21. Fedotov L.N. Modernizatsiya regionov: osnovnye podkhody [Modernization of regions: basic approaches]. *Politika i obshchestvo*, 2012, no. 11(95), pp. 62–68.
22. Shinyaeva O.V. Osnovnye sub"ekty grazhdanskogo obshchestva v Rossii i problemy ikh vzaimodeistviya [The main civil society actors in Russia and the problems of their interaction] *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoyanie, tendentsii, perspektivy* [Civil society in Russia: condition, trends, prospects]. Ulyanovsk, UIGTU, 2012, pp. 3–11.
23. Endrein Ch.F. Sravnitel'nyi analiz politicheskikh sistem. Effektivnost' osushchestvleniya politicheskogo kursa i sotsial'nye preobrazovaniya [Comparative analysis of political systems. The effectiveness of the implementation of the political course and social transformation]. M., INFRA-M, 2000. 320 p.
24. Yarlykapov A. Islam i konflikt na sovremennom Severnom Kavkaze [02.02.2014] [Islam and the conflict in the North Caucasus [02.02.2014]] *Elektronnyi minbar* [sait]. [E-Minbar [website].]. URL: <http://e-minbar.com/researches/islam-i-konflikt-na-sovremennom-severnom-kavkaze> (request date 12.07.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирзаханов Джабраил Гасанович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета;
e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Djabrail G. Mirzakhanov – Candidate in Philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Dagestan State Technical University;
e-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мирзаханов Д.Г. К вопросу о функциональной специфике исламских социально-политических подсистем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 143–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-143-154

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

D. Mirzakhanov. Understanding the functional characteristics of islamic social and political sub-systems. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 4, pp. 143–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-4-143-154